

Как ни покажется странным, но ответ на вопрос, почему мы имеем сегодня в России то, что имеем, в развёрнутом виде дал ещё 150 лет назад Фёдор Михайлович Достоевский в своём до конца ещё не понятом русскими людьми романе “Идиот”.

С апреля 1867 года, когда стал формироваться замысел произведения, и до публикации первых глав в журнале “Русский вестник” в 1868 году всё существо писателя было нацелено на написание романа, который он считал одним из главных в своём творчестве.

И 2017-й год – тот рубеж, когда исполняется полтора века началу мировой истории “Идиота”.

Дата солидная, поворотная для России.

В начале наших размышлений мы не пройдем мимо того, как в прошлом, да и в недалёком прошлом оценивался роман его исследователями и критиками.

В основном всё вращалось вокруг анализа того, как писатель искал и нашёл “идеального человека”, “идеальный тип”. Всех мучил вопрос о том, действительно ли этот “идиот” – весьма умный и совестливый человек князь Мышкин – “герой нашего времени”. И если он свободно обращается в обществе разных людей, сбрасывает благостные “одежды” со всех сословий, предоставляя читателю увидеть реальное русское общество 1860-х годов, то не “идиоты” ли и они, раз друг друга все в общем-то понимают и принимают?

Одни критики и читатели считали роман удачей Достоевского, другие – неудачей. Сам писатель видел в нём много изъянов, много недосказанного, но не переставал любить своё детище.

В январе 1868 года Ф. М. Достоевский писал: “Идея романа – моя старинная и любимая, но до того трудная, что я долго не смел браться за неё... Главная мысль романа – изобразить положительно прекрасного человека. Труднее этого нет ничего на свете, а особенно теперь... Прекрасное есть идеал, а идеал – ни наш, ни цивилизованной Европы – ещё далеко не выработался”.

Иногда говорят, что понять роман может помочь сам автор. Но есть и другое мнение: мало ли что задумал и написал автор, у него ведь может получиться совсем другое или скрытое откроется только после длительного периода осмысления. В набросках Достоевский называет своего героя “Князем Христом”, поднимая человека к лучшим образцам святой жизни...

Начну свои рассуждения с одного весьма **пророческого диалога** двух из целого ряда ключевых героев романа — князя Льва Николаевича Мышкина, который сам себя обзывает “идиотом” (с греческого — лишний, отдельный человек, в 1860-е годы — и “малоумный”, и “юродивый”, и дурачок), которого и швейцарский чудо-лекарь Шнейдер считает явно больным и слабым умом (и вправду, Мышкин выздоравливающим был выписан из заграничной клиники и, “познав” за полгода Россию, туда же возвратился “абсолютным” идиотом) — с новым-введенным рублёвым миллионером Парфёном Семёновичем Рогожиным, который, на мой взгляд, тоже “идиот”, но из другого сословия и из другого мира русской жизни.

Диалог случился между этими едва перешагнувшими возраст в двадцать пять лет молодыми людьми в тот момент, когда читатель осиливает первую треть романа и автор начинает знакомить этого самого читателя и князя Мышкина с домом Рогожиных.

Вот как это описано в романе:

“...Над дверью в следующую комнату висела одна картина, довольно странная по своей форме, около двух с половиной аршин в длину и никак не более шести вершков в высоту. Она изображала Спасителя, только что снятого с креста. Князь мельком взглянул на неё... Рогожин вдруг остановился пред картиной.

— Вот эти все здесь картины, — сказал он, — все за рубль да за два на аукционах куплены батюшкой, он любил. Их один знающий человек все здесь пересмотрел: дрянь, говорит, а вот эта вот картина, над дверью, тоже за два целковых купленная, говорит, не дрянь... (Рогожин сообщает, что её хотят у него купить и за триста, и за четыреста, и даже за пятьсот рублей).

— Да это... это копия с Ганса Гольбейна, — сказал князь...

Рогожин вдруг бросил картину и пошёл прежнему дорогой вперёд...

— А что, Лев Николаич, давно я хотел тебя спросить, веруешь ты в Бога или нет? — вдруг опять заговорил Рогожин, пройдя несколько шагов...

... — И к чему ты меня спросил: верую ли я в Бога?

— Да ничего, так. Я и прежде хотел спросить. Многие ведь ноне не веруют. А что, правда (ты за границей-то жил), — мне вот один с пьяных глаз говорил, — что у нас по России, больше, чем во всех землях, таких, что в Бога не веруют? “Нам, говорит, в этом легче, чем им, потому что мы дальше их пошли...”

Остановимся, уважаемый читатель, в начале этого удивительного диалога, только для того, чтобы не забыть сделать один важный акцент.

Всякий внимательный читатель романа без труда обнаружит на его страницах, кого тогдашнее общество считало счастливым, везунчиком, так сказать, идеалом удавшейся карьеры.

Конечно же, это “генерал”, скажем шире — генералы. Тут тебе и звание, и доход от поместий, и почести, и проценты от данных в рост под проценты денег, тут тебе и гражданские должности в столицах и губерниях. “Генерал” — это символ времени, это “идеальный человек” для “идиотов” русского общества, которые-то и сами не понимают, что они идиоты.

Одним словом, прямая принадлежность к новой “элите” российского государства 1860-х годов.

Достоевский сообщает: “А наши няньки, закачивая детей, спокон веку причитывают и припевают: “Будешь в золоте ходить, генеральский чин носить!” Итак, даже у наших нянек чин генерала считался за предел русского счастья...”

Но какова она, эта “элита”, достигшая счастья, в романе Достоевского, чем она отличается от предыдущей — “князей”, которых в 1860-х годах и ценят лишь как необходимый по традиции “интерьер” всяких собраний, балов, торжеств, заседаний, комитетов... Князем быть неплохо, но у князей деньги уже маловато, если не восприняли нового времени и не бросились копить капиталы.

У Достоевского и богатый, процветающий по положению и доходам генерал Иван Фёдорович Епанчин и спившийся, дискредитирующий “элиту” генерал Ардалион Александрович Иволгин, по сути, миссию “элиты” выполнить не в состоянии.

Бездумное, беспредметное, безыдейное служение всё ещё крепкой монархии обнаруживает полную слабость и трухлявость этой новой “элиты”.

Образованные, героически повоевавшие, но не воспитанные должным образом обществом, формальные в вере в Бога, Царя и Отечество, оба генерала заняты с государственной точки зрения ерундой: один погряз в бытовых вопросах, другой – во вранье, двоеженстве и пьянстве.

Их двоих окружают молодые люди и учатся у них только порокам. Эти генералы не авторитетны в обществе, не авторитетны они и в молодёжной среде!

Любой диалог этих генералов с молодёжью, с кем бы то ни было, с положительными или отрицательными намерениями, завершается и нравственным, и идейным крахом генералов.

По сути, эта опора трона уже в 1867 году имела деформации и трещины такого масштаба, что только чудо ещё 50 лет, вплоть до 1917 года, спасало царствующую династию от гибели.

А что же, так сказать, “крестьянская” элита? Нет, не ободренные до нитки крестьяне после 1861 года, где один фельдшер был на 50 000 крестьянских душ, где о грамоте слыхали этак процентов десять среди мужского пола, да два процента среди пола женского. А именно те, кто был с землицей, с деньгами, крепкие хозяева?

Ф. М. Достоевский, разворачивая в романе диалог князя Мышкина и миллионера Рогожина, показывает нам через рассказ князя, который изучает после заграницы Россию, духовный мир и зажиточных крестьян, кои, обретая немалые земли и кубышки с капиталом, должны были стоять насмерть за трон, за Веру и Царя!

Этот рассказ Мышкина о том, как два благополучных крестьянина остановились переночевать в уездной гостинице, попили чаю и на трезвую голову легли спать.

Да вот беда, один благополучный крестьянин ранее подглядел, что у другого благополучного крестьянина есть серебряные часы “на бисерном жёлтом шнурке”. Пожелав и их хапнуть, взял да и убил собрата по сословию, перед убийством, как в романе описано, “возвёл глаза к небу, перекрестился и, проговорив про себя с горькою молитвой: “Господи, прости ради Христа!” – зарезал приятеля с одного раза, как барана, и вынул у него часы...”

Примечательно, что Рогожин, выслушав Мышкина, “покатился со смеху” и заметил: “Вот это я люблю! ... Один совсем в Бога не верует, а другой уж до того верует, что и людей режет по молитве... Нет, этого, брат князь, не выдумаешь!”

Вот вам миллионер Рогожин! Он морально готовится к своей жизненной миссии. В конце романа он тоже зарежет, как барана, любимую беззащитную женщину – Настасью Филипповну... Но ведь многие не резали жен и содержанок, но “зарезали” Россию.

Здесь нельзя обойти ещё одну зарисовку в романе, характеризующую восходящий класс русских капиталистов.

Умирает отец Парфёна Рогожина. Брат его Семён тоже без крупного наследства не остаётся. И всё же, “с покрова парчового на гробе родителя, ночью... кисти литые, золотые обрезал: “Они, дескать, эвона каких денег стоят”!..

Рядом с миллионерами – предприниматели средней руки. Их обобщённый тип писатель нарисовал в образе тридцатилетнего, изящно одетого Ивана Петровича Птицына, который “специально занимается наживанием денег отдачей их в быстрый рост под более или менее верные залого”. Для него деньги и есть мерило всего, что окружает человека.

Ну, ладно, с князьями, генералами, промышленниками, ростовщиками и крепкими крестьянами Достоевский в романе разобрался.

Чем же не “идиот” тот, кто сам рубит сук, на котором сидит? Чем не идиоты те, кто за полтинник готовы продать Родину немцу, французу, американцу под “перезвон” всяких теорий о “прекрасном коммунизме” и освобождении труда и личности.

Ну, может быть, тогда офицеры и солдаты? Они ведь должны же постоять за Веру, Царя и Отечество! Конечно, были те, кто стояли, кто был достоин своих погон! Их было немало...

Но и офицеры в романе “Идиот” пример не подают, а солдаты за ними вслед!

Вот ещё один рассказ князя Мышкина миллионеру Рогожину: “. . . Вижу, шагает по деревянному тротуару пьяный солдат в совершенно растерзанном виде. Подходит ко мне: “Купи, барин, крест серебряный, всего за двугривенный

отдаю; серебряный! Вижу в руке у него крест, и должно быть, только что снял с себя, на голубой, крепко зашоленной ленточке, но только настоящей оловянный, с первого взгляда видно, большого размера, осьмиконечный, полного византийского рисунка. Я вынул двугривенный и отдал ему, а крест тут же на себя надел, — и по лицу его видно было, как он доволен, что надул глупого барина, и тотчас же отправился свой крест пропивать. . .”

И вот когда легкомысленные офицеры полегли на фронтах Первой мировой войны или, правильнее сказать, Второй Отечественной войны, вот именно такие солдаты и были назначены командирами, именно они потом, разинув рот, слушали всяких Троцких, кромсали на куски офицеров, генералов, князей и промышленников и, отрекшись от Бога, Царя и Отечества, шли служить инородцам, которые выстроились в фаланги под портретами заморских антихристов.

Так что же, в России “идиот” только один князь Лев Николаевич Мышкин? Можно продолжить и другой ряд героев романа.

Например, подающий надежды старший сын генерала Иволгина — Ганя (Гаврила) согласен вступить в брак с совращённой салонным развратником Афанасием Ивановичем Тоцким — “человеком высшего света, с высшими связями и необыкновенного богатства”, “помещиком, раскапталистом, членом компаний и обществ” — Настасьей Филипповной за 75 тысяч рублей, потому как именно такая сумма ему была нужна для старта в карьере и в дальнейшем для полного счастья. Желая сочувствовать Гане, князь Мышкин замечает: “Мне кажется, что это сплошь да рядом случается: женятся на деньгах. . .”

Ещё один искатель подобного счастья — чиновник Лукьян Тимофеевич Лебедев — готов был обобрать и обворовать всякого, кто ему это позволит. Он смотрит в глаза и лжет, говорит о честности и лезет в карман, готов продать за грош близкого человека.

Младший сын генерала Иволгина Коля, в общем, искренний и добрый юноша, так характеризует петербургское общество “камелий, генералов и ростовщиков”: “...И заметили вы, князь, в наш век все авантюристы! И именно у нас, в России, в нашем любезном Отечестве. И как это так всё устроилось — не понимаю. Кажется, уж как крепко стояло, а что теперь? Это все говорят и везде пишут. Обличают. У нас все обличают. Родители первые на попятный и сами своей прежней морали стыдятся. Вон, в Москве, родитель уговаривал сына ни перед чем не отступать (в дальнейшем становится ясным, что “ни перед чем” — это перед убийством. — **В. О.**) для добывания денег. . .”

Ещё один герой романа, страдающий от того, что его фамилия Фердыщенко, задаёт князю Мышкину далеко не абстрактный вопрос, рождённый его опытом познания жизни: “Князь, позволите вас спросить, как вы думаете, мне вот всё кажется, что на свете гораздо больше воров, чем неворов, и что нет даже такого самого честного человека, который бы хоть раз в жизни чего-нибудь не украл. . .”

Да, уважаемый читатель, нарисованная Достоевским картина жизни тогдашнего общества и, конечно, молодёжи, была мало обнадёживающей.

Хотя некоторые герои имели много положительных человеческих качеств, скажем, уже упоминавшийся Коля Иволгин, младший сын забубённого генерала-пьяницы.

Ещё мимо одного сюжета “падения молодого поколения” пройти никак нельзя.

Группа молодых людей решила поживиться деньжатами “идиота” Мышкина. Читатель, обратившись к роману, сможет узреть их моральный облик и то, как они этот замысел планировали реализовать. Мы лишь выделим первостепенное.

Вот как “борцов за достоинство” и за наследство характеризует сам человек достаточно бесчестный, чиновник Лебедев: “...Они не то чтобы нигилисты... это другие-с, особенные... они дальше нигилистов ушли-с... прежде всего, деловые-с... Это, собственно, некоторое последствие нигилизма, но не прямой путём, а понаслышке и косвенно, и не в статье какой-нибудь журнальной заявляют себя, а уж прямо на деле-с; не о бессмысленности, например, какого-нибудь там Пушкина дело идёт и не насчёт, например, необходимости распада на части России; нет-с, а теперь уже считается прямо за право, что если очень чего-нибудь хочется, то уж ни перед какими преградами не останавливаться, хотя бы пришлось укокошить при этом восемь персон-с...”.

Роман получил широкое хождение в 1870-е годы. Уже в той России, до-марксистской, добольшевистской, “зрела” молодёжь “октябрьских и послео-ктябрьских правил”.

И вот что интересно.

В кругу той молодёжи, которая пришла за деньжатами к князю Мышкину, один ради денег рассказал интимную историю из жизни матери, выставил её на посмеище и поругание. А мать-то всё-таки по-своему любил.

Другой нигилист в газете обогнал князя Мышкина, хотя горазд был выпить шампанского и расцеловать всякого, в том числе и самого князя.

Третий сторонник “абсолютного права” лжесвидетельствовал и подтасо-вал факты, мечтая быть полезным обществу.

Четвёртый – боксёр – потирал кулаки и готов был бить морды, а если на-до, то и ввязаться в дуэль, то есть затеять убийство.

И всё б ничего! Но этот сатанинский шабаш был “упакован” в научные те-ории и обоснования!

Вот несколько краеугольных положений, которые они тезисно заявляли: “Гласность есть право всеобщее, благородное и благодетельное... Всеоб-щее восторжествование права...”

Уже тогда один из героев романа, Евгений Павлович Родомский, подме-тил, “что от этого дело может прямо перескочить на право силы, то есть на право единичного кулака и личного захотения, как, впрочем, и очень конча-лось на свете... от права силы до права тигров и крокодилов... недалеко...”

Княгиня Лизавета Прокофьевна Епанчина, при всех своих недостатках в понимании социальных процессов, так оценила эту вконец запутавшуюся молодёжь: “Сумасшедшие! Тщеславные! В Бога не веруют, в Христа не веру-ют! Да ведь вас до того тщеславие и гордость проели, что кончится тем, что вы друг друга переедите, это я вам предсказываю...”

Возникает правомерный вопрос, почему в первые годы и десятилетия по-сле выхода произведения в свет исследователи романа не обратили внимания на историческую болезнь “опоры” трона, на безверие русских людей в душе при констатации веры на словах, на гениальные пророчества Достоевского?

Да потому, что никто не мог и в страшном сне себе представить воз-можное убийство императора Александра Второго в 1881 году, события 1905–1907 годов, 1917 год, расстрел царской семьи, террор и преступления в последующие годы.

Видимо, нужно было, чтобы прошло полтора века со времени рождения замысла романа “Идиот”, истечение века после 1917 года, чтобы было откры-то в произведении нечто главное, чему в прошлом хотя и придавалось некое значение, но “обзывалось” ни много, ни мало “фантастическими” рассужде-ниями писателя, не имеющими место в распространённой форме в реальной русской жизни.

Но замысел и реальность романа на бумаге оказались отнюдь не фантас-тическими.

Князь Мышкин описал нам человека будущего в том же разговоре с Рого-жиным.

Это “атеист”, человек “действительно очень учёный”, “на редкость хоро-шо воспитанный человек”, “в Бога он не верует”.

Мышкин заключил: “Одно только меня поразило: что он вовсе как будто не про то говорил во все время, и потому именно поразило, что и прежде, сколько я ни встречался с неверующими и сколько ни читал таких книг, всё мне казалось, что и говорят они и в книгах пишут совсем будто не про то, хо-тя с виду и кажется, что про то...”

В “про то” пришлось разбираться будущим поколениям, когда эти “обра-зованные” люди, “на редкость воспитанные”, стали сотнями тысяч вырезать, как баранов, своих соотечественников только лишь за то, что они хотели жить русской жизнью, весьма далёкой от футурологических сказок западных ис-следователей общества.

Как будут оправдывать свои преступления атеисты, ясно изложил князь Мышкин: “... Самый закоренелый и нераскаянный убийца всё-таки знает, что он преступник, то есть по совести считает, что нехорошо поступил... а эти ведь (“русские либералы”, атеисты, нигилисты, совершающие убийства. — **В. О.**)... не хотят считать себя преступниками и думают про себя, что право имели и... даже хорошо поступили...”

Возможно, исследователей романа “Идиот”, которые в большинстве своём были атеистами, смутило решение основных мировоззренческих вопросов героев романа самим Ф. М. Достоевским.

В уже упоминавшемся диалоге князя Мышкина и миллионера Рогожина князь делится своими впечатлениями от увиденного им выражения лица “русской бабы”, которой первый раз улыбнулся её грудной ребёнок. И эта баба сравнила улыбку ребёнка с радостью Бога, “когда он с неба завидит, что грешник пред ним от всего своего сердца на молитву становится...”

Нарисовав такую картину, князь Мышкин обращается к Парфёну Рогожину: “Слушай, Парфён, ты давеча спросил меня (имеется в виду вопрос о вере в Бога. — В. О.), вот мой ответ: сущность религиозного чувства ни под какие рассуждения, ни под какие проступки и преступления и ни под какие атеизмы не подходит; тут что-то не то, и вечно будет не то; тут что-то такое, обо что вечно будут скользить атеизмы и вечно будут *не про то* говорить. Но главное то, что всего яснее и скорее на русском сердце это заметишь, и вот мое заключение... Есть что делать на нашем русском свете, верь мне...”

Зададимся вопросом: а могла ли оценить такой русский путь дореволюционная русская мысль, уже не говоря об “атеистической мысли” советского времени?

Но желания и готовность молодёжи 1860-х–1870-х годов ещё только проявляются.

Вот как в газете начинался пасквиль на князя Мышкина, состряпанный нигилистической молодёжью: “Пролетарии и отпрыски, эпизод из дневных и вседневных грабежей! Прогресс! Реформа! Справедливость! Странные дела случаются на нашей называемой святой Руси, в наш век реформ и компанейских инициатив, век национальности и сотен миллионов, вывозимых каждый год за границу, век поощрения промышленности и паралича рабочих рук! И т. д., и т. д., всего не перечесть, господа, а потому прямо к делу!” А далее ложь о князе Мышкине и требование “экспроприации” средств в пользу “незаконорожденного ребёнка лейтенанта Шмидта” — в романе якобы сына покойного богача Павлищева, отписавшего свой капитал князю.

В этой публикации “деловых-с” предвестие той лжи, которая обрушилась на российскую государственность накануне 1917 года. И если князь Мышкин устоял, с помощью адвоката и закона разоблачил жульё, то династия Романовых пала!

Роман “Идиот” не просто гениальное произведение.

В нём — глубочайший анализ России. Разве можно пройти мимо такого рассуждения Достоевского: “Поминутно жалуются, что у нас нет людей практических; что политических людей, например, много; генералов тоже много; разных управляющих, сколько бы ни понадобилось, сейчас можно найти каких угодно, а практических людей нет. По крайней мере, все жалуются, что нет... Изобретатели и гении почти всегда при начале своего поприся (а очень часто и в конце) считались в обществе не более, как дураками”...

Или вот ныне интеллигенция ищет подлинных меценатов и благотворителей в предпринимательской среде. На этот счёт у Достоевского тоже была своя точка зрения: “...Некоторая тупость ума, кажется, есть почти необходимое качество если не всякого деятеля, то по крайней мере всякого серьёзно наживателя денег”.

Сколько сегодня говорится слов о вреде или пользе либерализма! А Фёдор Михайлович эту дилемму так разрешил рассуждениями Родомского: “Либерализм не есть грех; это необходимая составная часть всего целого, которое без него распадётся или замертвеет; либерализм имеет такое же право существовать, как и самый благородный консерватизм; но я на русский либерализм нападаю, и опять-таки повторяю, что за то, собственно, и нападаю на него, что русский либерал не есть русский либерал, а есть не русский либерал. Дайте мне русского либерала, и я его сейчас же при вас поцелую...”

Слова Достоевского, вложенные в уста Родомского, о том, что русский либерализм “отрицает самую Россию, то есть ненавидит и бьёт свою мать... Он ненавидит народные обычаи, русскую историю, всё...”, стали пророческими и раскрывают картину либерализма современной России достаточно полно...

Завершить же эту статью хотел бы строками Ф. М. Достоевского из его письма за 1868 года к одному из читателей романа:

“Неужели фантастический мой “Идиот” не есть действительность, да ещё самая обыденная!”